

Глорфиндель больше не задавал ему вопросов, даже когда он разрыдался, и за это Элион был ему благодарен: он не знал, как будет отвечать на них, и это было слишком больно, их смерть была слишком свежа. Но даже после того, как слезы прекратились, Элион так и остался лежать, прижавшись к груди Арагорна, спрятав лицо в складках плаща рейнджера, не желая поднимать лицо и смотреть в глаза эльфу.

Он знал, что Глорфиндель силен, он чувствовал это, а тот просто отказывался отвечать на его вопросы и прятался от него. Эльф должен был рассердиться, немисливо, чтобы он не рассердился, и тогда Арагорн рассердится на него, потому что он рассердил эльфа, который должен был быть его другом, а он не хотел, чтобы Арагорн сердился на него. Злиться на взрослого - значит причинить ему боль, а после того как Арагорн был так добр к нему, это только усугубит ситуацию, когда он повернется и ударит его.

Ему нравилось, когда о нем заботились, и на несколько коротких дней ему показалось, что он может быть чем-то большим, чем урод, обуза и убийца, и хотя он знал, что так продолжаться не может, от этого не становилось легче. Он поглубже вцепился пальцами в плащ рейнджера. Скоро ему не разрешат этого делать, и он хотел сохранить ощущение заботы, безопасности и защиты как можно дольше.

Но Арагорн по-прежнему крепко обнимал его, и пока он плакал, он прижимал его к себе и шептал слова утешения. И только теперь, когда плач прекратился, рейнджер наконец перестал шептать слова утешения и снова заговорил с Глорфинделем, хотя на этот раз разговор шел на общем языке. Это одновременно и радовало, и пугало его: радовало то, что ему не придется задавать лишних вопросов, но пугало и то, что если они разговаривали на общем языке, когда Глорфиндель был эльфом, значит, они говорили о чем-то, чего не хотели, чтобы он слышал, а единственное, что он мог придумать, чтобы они не хотели, чтобы он слышал, - это если они говорили о том, как от него избавиться.

Он вздрогнул от этой мысли, и разговор резко оборвался.

"Малыш, - услышал он мягкий голос Арагорна, - что случилось?"

Элион не услышал беспокойства в вопросе; его мысли были сосредоточены на осознании того, что его собираются бросить. Он не хотел ждать, ожидание было еще хуже, чем реальные события, он хотел знать, что происходит.

"Когда ты собираешься это сделать?" спросил он почти неслышно, его голос срывался на полуслове.

"Что Элион?" спросил Арагорн, в его тоне звучали озабоченность и растерянность.

Элион потрясенно поднял голову, в его глазах читалось предательство. Он не считал Арагорна жестоким, но то, что он отрицал то, что они собирались сделать, ранило его больше, чем сам факт отказа от них - было легче, когда кто-то не притворялся, что ему не все равно, от этого становилось еще больнее. Но когда он встретил взгляд Арагорна, то не увидел в нем ничего,

кроме искреннего смутения и беспокойства. Это взволновало его настолько, что он прошептал, "Избавься от меня".

Раздался резкий вздох, а затем он почувствовал, как руки Арагорна сжались вокруг него, и он оказался в таких объятиях, какие только возможны во время верховой езды. "Я не собираюсь избавляться от тебя, малыш". свирепо сказал Арагорн, в его голосе звучала искренность.

Но Элион уже тряс головой, в его голосе звучали истерические нотки. "Хватит врать!" Он закричал: все всегда лгали, и это причиняло боль. Не мог же он просто сказать правду: "Хватит врать. Все меня бросают. Я урод и обуза, никому до меня нет дела. Хватит врать". Последние слова были не более чем шепотом.

Он смутно осознавал, что они остановились, что все хоббиты и Глорфиндель наблюдают за ним, но все его внимание было приковано к рейнджеру. Он почувствовал, как тот поднял его из седла, и закрыл глаза, понимая, что его сейчас бросят, но тут же открыл их, почувствовав, как Арагорн прижимает его к груди, оберегая.

Он посмотрел в голубые глаза, и в них не было ни коварства, ни обмана - только забота, защита и доброта. "Нет, малыш, - прошептал Арагорн, - я не лгу и не собираюсь тебя бросать. Ты в безопасности".

"Но разве ты не сердишься?" спросил Элион, его голос едва превышал шепот.

"С чего бы мне злиться, малыш?"

Он сбивчиво объяснил, но не успел он договорить и половины, как рейнджер покачал головой. "Нет, Элион, - мягко сказал он ему, - ни Глорфиндель, ни я не сердимся на тебя. Ты пережил нечто ужасное, и тебе позволено плакать и расстраиваться. Мы не сердимся".

Элион долго смотрел на Арагорна своими пронзительно-зелеными глазами: он начинал верить ему, но все еще не был до конца уверен. Очень медленно, не сводя глаз с лица рейнджера, он протянул руку и вцепился в тунику Арагорна, ожидая, что тот отдернет пальцы и бросит его. Когда Арагорн не сделал ни единого движения, лишь ласково улыбнулся ему, Элион расслабился и позволил рейнджеру усадить его обратно в седло, и они снова поехали, хотя Элион продолжал крепко сжимать пальцы в грубой ткани туники Арагорна.

Элион слегка задремал, когда лошади перевалили через последний хребет и въехали в долину. Постоянное движение, требующее регулировки и контррегуляции во время езды, утомило его, не говоря уже об эмоциональном потрясении, вызванном допросом и последующими событиями. В небе сгущались сумерки, и воздух был прохладным, когда его разбудило легкое пожатие плеча.

Он моргнул, отгоняя сон, и машинально напрягся, прежде чем понял, что это Арагорн разбудил его, и расслабился. Из всех людей, встреченных им до сих пор в этом новом мире, рядом с Арагорном он чувствовал себя в наибольшей безопасности и был абсолютно уверен, что тот не собирается причинять ему вред, не то что он, приложивший столько усилий, чтобы сделать прямо противоположное.

"Мы достигли Ривенделла, малыш".

Элион проследил за его взглядом и посмотрел вниз, в долину: город приютился на склоне долины и возвышался над рекой. Сквозь окна и двери мягко пробивались огни, освещая здания в полумраке. Весь город выглядел мирно, но Элион чувствовал в нем ту же силу и возраст, что и в Глорфинделе.

Это заставляло его нервничать, но именно сюда Арагорн отправил Фродо, чтобы тот исцелился, и сюда же привел их, и впервые с тех пор, как он встретил их, он почувствовал, что Арагорн полностью расслабился. И это, как ничто другое, успокаивало его. Он не знал, почему, но ему казалось, что он доверяет Арагорну, или, по крайней мере, доверяет ему настолько, чтобы чувствовать себя рядом с ним комфортно и быть уверенным, что он не станет намеренно подвергать их опасности и постарается защитить их. Если он был спокоен, значит, это место, Ривенделл, не представляло угрозы, возможно, оно было просто старым и могущественным, как Хогвартс, и именно это присутствие нервировало его. Теперь, когда он проснулся, было трудно снова заснуть, особенно когда вокруг было столько интересного. Он впервые видел в этом новом мире хоть какое-то жилье, хоть какие-то признаки людей, кроме Арагорна и хоббитов, и новые здания и места вызывали у него любопытство, а вместе с ним и чувство удивления. Даже если он не знал, что произойдет, когда они доберутся до города, это не мешало ему смотреть. Все было так непохоже на то, что он знал в своем старом мире. Все здания были изящными и казались частью пейзажа, словно вырастая из окружающих их деревьев. Вокруг была красота и открытость, которых он никогда не видел в Англии, и особая величественность, которую он не мог уловить.

<http://tl.rulate.ru/book/103154/3587792>